

Ханкевич, О.И. К вопросу о структуре античного общества / О.И.Ханкевич // Лістападаўскія сустрэчы-8 [Электронны рэсурс]: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Еўтухоў. – Мінск : БДУ, 2011. – Рэжым доступу : <http://www.elib.bsu.by>, абмежаваны. – С. 56-61

О.И. Ханкевич

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Земледельческая *община* – базовое социальное и хозяйственное звено всех докапиталистических сообществ, которые называют аграрными или традиционными. Исследователями в области политической антропологии установлено, что социально-политическая и административно-хозяйственная структура всех известных современной науке протогосударственных и раннегосударственных образований восходит к общинным нормам взаимоотношений и формам взаимосвязей. При этом вряд ли будет правомерным выстраивать восходящую линию форм человеческого общежития от элементарной (*первичной*) общины как естественной формы объединения живущих на определенной территории земледельцев до надобщинных политических структур типа вожеств (*чифдом*) и ранних государств. На любой стадии древности можно обнаружить и в эпицентре цивилизационного развития, и на его окраинах, и даже на далекой периферии разные типы общинной и этноплеменной организации, принадлежность к которым и была

главным признаком территориальной идентичности человека. Именно принадлежность к общинно-племенной общности служила в древности основой человеческой полноценности и гражданского состояния. Вне ее рамок человек терял свою хозяйственную самостоятельность, а значит и статус полноправного общинника. Сведения об этнической и территориальной принадлежности древних людей ученым предоставляют сохранившиеся в письменных памятниках топонимы, гентилиции и этнонимы.

В составе крупных государств элементарная община теряет самостоятельность и право распоряжения своими угодьями. Она становится низовой административной и податной единицей, эксплуатируемой центром. Общинная земля продается и покупается, появляются аренда и условное землевладение, а свободные общинники превращаются в бесправных подданных. Но в ряде регионов древней ойкумены община как самоуправляемая структура развивалась в виде городских *муниципиев*, *гражданско-храмовых* и *гражданско-территориальных* автономных образований (гражданских – поскольку в них сохранялся суверенитет народного собрания). В ближневосточном регионе, к примеру, помимо крупных монархических госу-

дарств, существовали подобные городские и храмовые общины, научное название которых *номовые* государства. В клинописных документах присутствует устойчивая формула для обозначения принадлежности

к такой общине-государству: *человек (люди)* города – Вавилона, Лагаша, Ура и т. д. Классическим же образцом автономной политической структуры общинного типа считаются греческий *полис* и римская *цивитас* – особая разновидность древнего государства с республиканским, т. е. выборным устройством. Хотя в той же Греции, ставшей наряду с Римом в I тыс. до н. э. эпицентром цивилизационного развития, многие племена вели исключительно сельский образ жизни, группируясь по *этническому* признаку. Племена же, интегрированные в полисную государственную структуру, составляли самостоятельные округа с собственными (местными) органами самоуправления (в Афинах – *демы*, в Риме – *трибы*). Формирование подобных округов и является сутью институализации общественной жизни в древности. Альтернативность путей исторического развития различных обществ нередко сводится в учебной литературе именно к формам институализации и в итоге – возникновению государства, т. е. *стейтогенезу*. Процесс *стейтогенеза* – государственной линии политической эволюции, на практике означал интеграцию сотен и тысяч общин в единое территориальное, хозяйственное и политическое целое. Цель подобной интеграции – создание в экологически благоприятных нишах древней ойкумены упорядоченного сообщества и выработка оптимальных форм его существования. Предпосылками же этого процесса было достижение определенного уровня развития производства с накоплением устойчивого прибавочного продукта, а также благоприятные обстоятельства демографического и социального плана. Демократичность ряда интегрированных

структур древности, прежде всего полисного государства, объясняется именно тем, что их основой была община. Демократия, таким образом, явилась одним из естественных путей политической эволюции в силу устойчивости общинных традиций, основанных на взаимопомощи, коллективизме и солидарности. Структурообразующим ядром античного общества эпохи его расцвета выступала гражданская община – *koinonia politike* (греч.), *societas civilis* (лат.). Определяющим в эту эпоху было место индивида в системе гражданских связей и отношений. Маркирующим социальным признаком стал именно *гражданский статус*, с позиций которого население полиса разделялось на полноправных, неполноправных и бесправных. При этом античная гражданская община в двух ее разновидностях – греческого полиса и римской *цивitas* – конституировала себя в качестве государства, в котором общество и государство представляли собой единое целое. Однако гражданин представлял государство не сам по себе, а только в составе всего

сообщества. Подобную политико-гражданскую структуру греки называли *политией*, а римляне – *республикой* (в буквальном переводе «делом всех [граждан]»). Голосуя по вопросу принятия закона или утверждая кандидатуру на определенную магистратскую должность, граждане непосредственно управляли своим государством. При этом именно полисная община наделяла своих членов определенными правами и

обязанностями. Собрание всех полноправных граждан полиса осуществляло, помимо законодательных и избирательных, контрольно-ревизионные функции (заслушивало отчеты должностных лиц и военачальников), а также рассматривало апелляции граждан на приговоры судей-магистратов, выступая и в качестве высшей судебной инстанции. В этом суть понятия суверенитета народного собрания. Хотя сам собирательный концепт *народ* имел в эпоху Античности более суженное содержание. В источниках так именуется граждане, собранные в комиции для голосования. В римской политической практике понятия *популус*, *комиции* и *государство* – *res publica*, *civitas* (сам термин «государство» древние, как известно, не использовали) считались идентичными, взаимозаменяемыми.

Устойчивость и определенность общественным отношениям придавало право, обеспечивая участникам того или иного правоотношения свободу и равенство. Сам принцип правового равенства, т. е. равенства в свободе, мыслители древности назвали *справедливостью*, которая под именем *Justitia* имела у римлян собственную иконографию и атрибутику, т. е. была обожествлена. Теоретики римского права (*juris prudentes*, отсюда *юриспруденция*) толковали концепт «справедливость» как «учение о добром и справедливом». Внутреннее право (римляне назвали его гражданским – *ius civile*) каждой полисной общины фиксировало степень признания отдельного индивида сообществом в целом. Разделение людей на *своих* и *чужих*, ставшее главной общественной идеей формирующейся государственности, в полисе было

дополнено четкими статусными позициями «своих», называвшихся теперь согражданами, сотоварищами (греч. *polites*, лат. *civis*). Типичные социальные роли как самих граждан, так и тех, кто находился за рамками гражданского коллектива, были отражены в праве. Оно выработало четкие критерии гражданского статуса, т. е. необходимые условия юридической, политической и экономической самодостаточности индивида как субъекта права (*persona*). В переводе с латинского «персона» означает *маска*, т. е. типаж, обобщенная личность без учета ее индивидуальных характеристик. Для Античности *субъект права* – элемент такого сообщества, члены которого в повседневных контактах руководствуются одинаковыми правилами поведения и общения. Правовая самостоятельность отдельного *лица* обозначалась в римском праве понятием *caput* в значении *правоспособ-*

ность, необходимыми компонентами которой были гражданский статус, личная свобода и самостоятельная позиция в межсемейном пространстве. В большой патриархальной семье только *pater familias*, т. е. ее домовладыка, выступал полномочным лицом в отношении как семейного имущественного комплекса, так и своих подвластных. Только он мог быть их судьей, опекуном и главой семейного культа. Но ограниченная дееспособность взрослых сыновей домовладыки касалась только сферы частного права; в публично-правовом плане они были полноправными членами сообщества. В целом статус гражданства

давал право на законный римский брак (*ius conubii*), право владеть и распоряжаться имуществом (*ius commercii*) с возможностью передачи его по наследству и защиты в судебном порядке, а также политические права: право голоса в комициях (*ius suffragium*) и право быть избранным на общественные должности (*ius honorum*). Выезжая в колонии, римлянин сохранял свой гражданский статус, который в полисном государстве фиксировало уже право. Однако и в среде самих граждан существовали свои внутренние, достаточно существенные градации. Это было, во-первых, разделение на обладавших политическими правами мужчин и не имевших таковых женщин; во-вторых, граждане по рождению (*cives nati*) и граждане по дарованию (*cives facti*); в-третьих, граждане разной сословной принадлежности; в-четвертых, разделение граждан на патронов и домовладык и на подчиненных им клиентов и подвластных; в-пятых, среди граждан были те, кто эксплуатировал чужой труд, и те, кто трудился сам. Все эти факторы и предопределяли место гражданина во внутренней иерархии самой полисной общины, влияли на его материальный достаток, профессиональную деятельность. Эксплуатируемые рабы тоже были частью общественной структуры, причем достаточно весомой. В афинском полисе во второй половине V в. до н. э. на 35–45 тыс. граждан приходилось 80–115 тыс. рабов (такая статистика выработана на основе косвенных данных античных источников). Сложилась практика перекладывания тягот физического труда на плечи рабов (это способствовало укоренению паразитарных настроений в обществе), традиция доверять рабам

управление загородными именьями и занятие торгово-предпринимательской деятельностью. Нередко рабов выводили на *пекулий* для самостоятельного хозяйствования. Такие рабы в конце концов получали вольную, при условии материальной поддержки своего бывшего хозяина и его детей. Сословие *вольнотпущенников-либертинов* было достаточно многочисленной общественной прослойкой Рима эпохи принципата (I–III вв.). Имперская администрация разработала целую серию законодательных мер по регулированию отношений господ

и их рабов, прав либертинов с регламентацией даже мест их проживания. Например, так называемые *юниановы либертины* с латинским статусом не могли заключать «правильный», т. е. законный брак (*matrimonium iustum*) и свободно завещать свое имущество. Поэтому римляне о них говорили: «Живут как свободные, а умирают как рабы». Именно одиозная и во многом драматичная история Ранней римской империи, хорошо отраженная в письменных источниках, позволяет сделать интересное наблюдение. Рабы использовали разные формы латентного, т. е. скрытого сопротивления, иногда даже убивали своих господ, добиваясь личной свободы, но никак не доступа к власти или изменения государственного строя. Полагаю, что буквальный смысл понятия «рабовладельческое общество» не является полностью адекватным характеру производства и социальных отношений Античности. Горизонтальные связи в

системе функционирования античного гражданского сообщества имели тогда большее значение, нежели вертикальные отношения господства-подчинения. Да и в целом институт рабства и как форма эксплуатации, и как состояние политической и юридической несвободы человека выходит далеко за пределы античного общества. Однако только в нем рабство являлось неотъемлемой частью всей общественной структуры в целом.

Мораль приобрела в полисном сообществе личностный характер, т. е. каждый гражданин обладал реальной возможностью проявить свои индивидуальные достоинства и способности. Отсюда и агональность греческой культуры: граждане полиса состязались в уме, силе, ловкости, мужестве, декламации, щедрости и т. п. Причем наградой победителям был успех у сограждан, воздаваемые со стороны всего полисного сообщества победителю почести, но не материальное вознаграждение. Совокупность положительных личных качеств, гражданских прав и привилегий составляли в республиканском Риме содержание особой юридической категории – *гражданской чести* (*honestus*). При потере свободы утрачивалась и гражданская честь, но она могла быть «уменьшена» и по другим причинам, например в силу занятия предосудительной (с точки зрения римского права) деятельностью – быть актером, заниматься сводничеством, выступить в роли лжесвидетеля и т. п. Запрет кабального рабства, равенство перед законом, ориентация на вовлечение всех, в том числе и беднейших сограждан, в активную общественно-политическую жизнь вызвали к жизни социальные

программы с ярко выраженной эгалитарной, т. е. уравнилельной направленностью – от известных литургий (своеобразного налога на богатых) до обеспечения бедноты дешевым хлебом и разовыми выдачами типа зрелищных денег. Таким образом, во всех

сферах жизни античного общества мы видим обособленность, отделенность тех, кто был наделен суммой прав и привилегий, от тех, кто был полностью или частично их лишен. В этом смысле гражданский коллектив полисного государства выступал как элита, «демократическая аристократия» по отношению к рабам, варварам и переселенцам-инородцам. Этот коллектив был замкнутым, но отнюдь не закрытым сообществом. Специалисты-антиковеды признают наличие социальной динамики в античной гражданской общине, которая пополнялась не только за счет метеков (афинский полис) и peregrinorum (римская civitas), но и за счет наделенных гражданскими правами бывших рабов и представителей варварских племен. Вспомним хотя бы пример Цезаря, предоставившего многим галльским общинам в благодарность за поддержку ограниченный латинский статус, т. е. гражданство без права голоса в народном собрании Рима.

Подведем краткие итоги. Общество классической Античности можно определить как систему социальных связей, опосредованную правом. В полисной общине-государстве, которая имела городской

характер (отсюда ее название *город-государство*), мы наблюдаем широкий спектр политических, сословных, экономических и юридических градаций. Эти градации нашли отражение как в правовых нормах и институтах, так и в лексике греков и римлян. Многие из социальных терминов Античности (*класс, пролетарий, плебей, патрон, клиент, сенатор* и т. д.) вошли в исторический словарь последующих эпох. Именно община-государство наделяла своих членов правами и обязанностями, что влекло установление между гражданами и полисом-цивитас политико-правовых связей, характерных и для современного государства. Главными же завоеваниями полисных граждан стало их право на беспрепятственное участие в политической, религиозной, военной и общественной жизни, а также свобода поведения и волеизъявления в частной, приватной сфере. Древние греки называли эти гражданские свободы *исономией* и *исэгорией* – политическим равенством и свободой слова, т. е. гласностью. Римляне, выработавшие обстоятельную юридическую теорию и практику, главными достоинствами своей политико-правовой и социальной системы считали принципы добра (*boni*), равенства (*aequi*), деловой порядочности (*fides*) и справедливости (*iustitia*). Таким образом, граждане полисной общины-государства были лично свободны, политически равноправны и защищены законами, т. е. их права и интересы охранялись государством, важнейшим инструментом деятельности которого стало право.